

Уголокъ жизни.

Директоръ фабрики, Илья Петровичъ Кротковъ, сидѣлъ въ конторѣ, помѣщавшейся въ главномъ фабричномъ корпусѣ. За перегородками комнаты раздавался немолчный стукъ ткацкихъ станковъ, отъ котораго вздрагивали и стѣны и письменный столъ. Но директоръ привыкъ къ этому шуму и не обращалъ на него вниманія, и даже, когда почему-либо стукъ смолкалъ, ему становилось скучнѣе. Фабричное дѣло было стихіей этого человѣка, оно всецѣло завладѣло имъ и своей неустанной суетой и работой наполняло его жизнь. Но управленіе фабрикой—трудъ громадный, тяжелый трудъ, который могъ вынести только привычный работникъ.

Всякая работа требуетъ отдыха или физическаго или душевнаго. И всякій человѣкъ имѣетъ такой уголокъ въ своей жизни, въ которомъ онъ отдыхаетъ и черпаетъ силы для дальнѣйшаго труда. Былъ такой «уголокъ жизни» и у Ильи Петровича Кроткова...

Недалеко отъ директора, за особой конторкой, на высокомъ табуретѣ возсѣдалъ бухгалтеръ, Ксенофонтъ Ивановичъ Прибыловъ. Оба они были углублены въ письменную работу. Около нихъ лежали груды бумагъ: разныхъ табличекъ, фактуръ и пр. По временамъ директоръ отрывался отъ работы, посматривалъ въ окно и, разглаживая пальцами пушистую русую бороду на кругломъ полномъ лицѣ, тяжело вздыхалъ. Бухгалтеръ, бритый и тощій, безпрестанно поправлялъ очки на носу и тоже изрѣдка посматривалъ въ окно, въ которомъ виднѣлась полуоблетѣвшая липа, а надъ ней блѣдно-голубое небо. Въ воздухъ было тихо и на облитой солнцемъ

золотистой липѣ не дрожала ни одна вѣточка, а падающіе съ нихъ листья опускались на землю совсѣмъ отвѣсно, медленно-медленно повертываясь при паденіи.

— Какова погода-то, Илья Петровичъ?—сказалъ бухгалтеръ, уловивъ тоскующій взглядъ директора на окно.

Илья Петровичъ поспѣшно уткнулся опять въ бумаги и мрачно проговорилъ:

— Я бы попросилъ васъ, Ксенофонтъ Ивановичъ, не о погодѣ думать, а объ отчетахъ, которые мы съ вами такъ запустили. Я знаю, къ чему вы подбираетесь. Но, помните, что на-дняхъ пріѣдетъ хозяинъ и будетъ ревизія. Дѣло, дѣло—прежде всего.

Ксенофонтъ Ивановичъ ничего не отвѣтилъ и энергично защелкалъ костяшками счетъ.

Окончивъ занятія въ конторѣ, Кротковъ отправился, по обыкновенію, обозрѣвать фабрику. Онъ побывалъ въ фабричной лавкѣ, въ кузницѣ, осмотрѣлъ остальные корпуса и направился домой обѣдать. Галки, собравшись въ огромную стаю, то садились на деревья директорскаго сада, то на крыши фабричныхъ зданій, то поднимались на высоту, соединялись на фонѣ неба въ одинъ темный клубокъ или разбиваясь въ прозрачную сѣтку. Пряный запахъ опадающихъ листьевъ пріятно щекоталъ обоняніе. Когда галочій шумъ смолкъ, изъ поднебесья ясно слышалось курлыканье журавлей... Директоръ прислушивался къ журавлиному крику и такъ задумался, что пересталъ прикладывать руку къ козырьку фуражки на низкіе поклоны попадавшихся фабричныхъ. У самаго крыльца своего дома онъ вдругъ повернулъ назадъ, махнулъ рукой и отправился въ контору.

— Ксенофонтъ Ивановичъ, — обратился онъ какъ-то сконфуженно къ бухгалтеру. — Скажите Василю насчетъ собакъ и лошадей... вообще все приготовьте... Послѣ обѣда... всѣ три смычка...

— А какъ же счета?—поправилъ очки бухгалтеръ.

— Ну, ну!—оборвалъ директоръ.

Прибывовъ въ глаза начальнику громко расхохотался и торопливо принялся прибираться на своей конторкѣ.

Изъ воротъ фабрики выѣхала коляска парой и телѣга въ одну лошадь. Въ коляскѣ сидѣли директоръ съ бухгалтеромъ, а въ телѣгѣ егеръ Василій съ шестью гончими.

— Куда прикажете?—обратился къ господамъ красавецъ-кучеръ, едва сдерживая сытныхъ заводскихъ рысаковъ.

— Въ Ключково,—сказалъ директоръ.

— Въ Ключково, въ Ключково,—подтвердилъ бухгалтеръ.

Коляска быстро покатила сначала по фабричному шоссе, а затѣмъ по проселку, тихо подсакивая на резиновыхъ шинахъ. За ней едва поспѣвала гроыхающая по колеямъ телѣга. Псы жалобно взвизгивали и рвались на волю, но когда Василій поднималъ арапникъ, опять мирно ложились на сѣно.

Когда подъѣзжали къ острову, Кроткову онъ представлялся дорогимъ любящимъ другомъ. Илья Петровичъ смотрѣлъ на блѣдныя сосны, темныя ели, на выступающія изъ нихъ красныя осины, золотыя березы, бурныя ольхи—и ему казалось, что лѣсъ ласково улыбается, манитъ къ себѣ, раскрывая нѣжныя, теплыя объятія.

Что, дремучій лѣсъ, призадумался?

Грустью темною затуманился?

Началь декламировать Прибыловъ.

— Ерунда!—оборвалъ Кротковъ. — Кольцовъ совралъ. Лѣсу думать и грустить не о чемъ. Онъ радъ покою, сну до весны, когда онъ снова станетъ жить, проявлять свою могучую дѣятельность. Посмотрите, какъ мирны, покойны и привѣтливы эти осенніе тоны!.. Деревья насытились и сбрасываютъ ненужные имъ листья. Чего же тутъ печальнаго?.. Кольцовъ не былъ охотникомъ.

— Ну, ужъ это пардонъ-съ, Илья Петровичъ! Кольцовъ несомнѣнно былъ охотникъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому, что всѣ хорошіе поэты и писатели были охотниками. Вспомните Аксакова, Алексѣя и Льва Толстыхъ, Тургенева, Некрасова, Никитина, Сенкевича, Салова... А Дрожжинъ? Онъ только и отдыхалъ на охотѣ отъ семейныхъ непріятностей... Однопоментниковъ лай музыкальный душу уносить въ тотъ міръ идеальный, гдѣ...

Коляска остановилась у опушки.

— Василий!—подозвалъ Прибыловъ егеря.—Чѣмъ намъ возиться съ гончими и шлаться по лѣсу, не лучше ли охотиться за зайцами по уральскому способу?

— Какимъ же это манеромъ?

— Да очень просто. Разбросать по опушкѣ, полянамъ и дорогамъ, гдѣ чаще всего бѣгаютъ зайцы, камни и посыпать ихъ табакомъ. Заяцъ изъ любопытства подойдетъ къ камню, понюхаетъ, чихнетъ, ударится лбомъ о камень... и разобьется насмерть. Потомъ стоитъ только обходить эти камни и собирать самоубійцъ въ мѣшокъ.

Кротковъ разсмѣялся.

— Я думалъ, вы дѣло говорите,—обидѣлся угрюмый Василий и сталъ спускать собакъ.

Илья Петровичъ шелъ по лѣсной дорожкѣ, шурша сапогами по разноцвѣтнымъ опавшимъ листьямъ, изъ которыхъ мѣстами выглядываютъ красные мухоморы и желтые свинухи. Съ рябины, съ уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ кистями ягодъ, загремѣлъ рябчикъ. Издали доносилась дробь дятла. Трещали сойки, пищали синички. Надъ лѣсомъ кружился ястребъ, издавая жалобный, голодный крикъ... Кротковъ радостно слушалъ эти знакомые, милые звуки, жадно вдыхалъ специфическій сырой лѣсной воздухъ.

Подала голосъ одна гончая—и сердце Кроткова чаще забилося. Онъ узналъ баритонъ Громилы. Черезъ минуту уже ревѣла вся стая. Кротковъ поспѣшилъ выбраться на поляну, ярко-зеленую посрединѣ и съ желтой каймой изъ листьевъ по краямъ. Шумовой бѣлячишка выбѣжалъ на полянку и сейчасъ же былъ убитъ директоромъ. Гонъ не прерывался и дѣлался все жарче и страстнѣе.

«Кажется, по лисицѣ», подумалъ Илья Петровичъ, подвязавъ на спину зайца.

— Ты чего тутъ, Затѣйка!—крикнулъ онъ выскочившей къ нему гончей.—Чего ты отбиваешься отъ стаи, подлая?.. Вотъ я тебя!..

Онъ схватилъ сукъ и бросился за собакой. Та снова скрылась въ чащѣ.

— Что за подлая тварь!—волновался Илья Петрович.— Любить, мерзавка, въ одиночку... Поймаетъ добылого зайченка и сожретъ, хитрая бестія, чтобы никто не видалъ...

Недалеко раздался выстрѣлъ. Гонъ смолкъ, но черезъ нѣсколько минутъ начался снова. Директоръ убилъ еще зайца. Вся стая высыпала на поляну. Подошли и Василій съ Прибыловымъ. Послѣдній хвасталъ убитой лисой.

— Линяетъ: ни гроша не стоитъ,—пренебрежительно замѣтилъ Кротковъ.

— Отъ зависти такъ говорите!—разсмѣялся Прибыловъ.

Покуривъ и поболтавъ немного, охотники снова разошлись. Илья Петровичъ, отдавъ Василю зайцевъ, отправился къ рѣкѣ, за которой уже стояли собаки. Берегъ рѣки обросъ мелкимъ дубнякомъ и орѣшникомъ. Пробираясь кустами, Кротковъ встрѣтилъ вальдшнепа, потомъ другого, третьяго...

— Чортъ знаетъ! Никакъ высыпка?—заволновался Илья Петровичъ.

Онъ сталъ вытаптывать вальдшнеповъ и убилъ пару. За рѣкой тоже стрѣляли. Осенніе сумерки быстро сгущались, и чѣмъ темнѣе становилось, тѣмъ, какъ нарочно, больше попадалось вальдшнеповъ.

Уже совсѣмъ затемно выбрался Кротковъ на рогъ Василья къ экипажамъ. Въ телѣги лежали съ высунутыми языками усталыя собаки и, кромѣ лисицы, шесть убитыхъ зайцевъ.

Ну, господа,—волнуясь, рассказывалъ директоръ,—что только дѣлается на Волчковой сѣчи! Вальдшнеповъ пропасть!

— Это вы все, Илья Петровичъ!—разсердился Прибыловъ.—Зайцы да зайцы... Какое добро!.. Какая-то у васъ страсть къ нимъ...

— Эхъ, отстаньте!—махнулъ рукой директоръ, усаживаясь въ коляску.—Кто же зналъ?..

Въ окнѣ лѣсной сторожки мелькалъ огонекъ. Сторожъ Кондратій сидѣлъ на крыльцѣ и нелѣпымъ голосомъ пѣлъ церковныя пѣсни. Маленькая мохнатая сабачка подвывала

ему, что бѣсило старика, и онъ грозно кричалъ по временамъ:

— Цыцъ, окаянная!

— Замѣчательный дуэтъ!—разсмѣялся Прибыловъ.

— Стой!—крикнулъ кучеру Кротковъ.—Кондратій!—
окликнулъ онъ сторожа.

Старикъ, снявъ шапку, подошелъ къ коляскѣ.

— Ты что же это, старый хрѣнь, мнѣ ничего не ска-
залъ о вальдшнепахъ?

— Недосугъ было, Илья Петровичъ, недосугъ, батюшка.
Теперь дровишки православные запасаютъ... такъ и тащатъ,
такъ и тащатъ... никакъ не усмотришь за православными.

— А много вальдшнеповъ?

— Какъ песку, Илья Петровичъ, какъ песку, батюшка
мой!

— У, у, старина!—закипятился Прибыловъ.

— Не горячитесь, пожалуйста!—замѣтилъ бухгалтеру
директоръ.—Василій!—обратился онъ къ егерю.—Поѣзжай
одинъ домой и завтра чѣмъ-свѣтъ привези Каро и Невку.
А мы здѣсь ночуемъ, у Кондратія.

— Слушаю-съ.

— Но, послушайте, Илья Петровичъ!—удивился При-
быловъ.—Какъ же отчеты-то?

— Подождутъ!

— Вѣдь ни сегодня—завтра хозяинъ...

— Богъ съ нимъ!..

В. Сисоевъ.